

УДК 343.1

Шифр научной специальности: 5.1.4. (уголовно-правовые науки)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Digitalization of Criminal Procedure in Russia: Contemporary Perspectives

РЕХОВСКИЙ Александр Федорович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права

ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет;
690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

e-mail: A.Rekhovskiy@vvsu.ru

REKHOVSKIY Alexander Fedorovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal
Law Disciplines

Institute of Law

Vladivostok State University

690014, Far Eastern Federal District, Primorsky Krai, Vladivostok, Gogol Street,
41.

e-mail: A.Rekhovskiy@vvsu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется состояние и перспективы цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Проведен анализ нормативной базы, существующей практики применения электронных документов, дистанционных технологий и искусственного интеллекта в досудебном и судебном производстве. Выявлены системные пробелы в правовом регулировании электронного уголовного дела и электронных доказательств. На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и развитию единой цифровой инфраструктуры уголовного процесса. Обоснована необходимость поэтапной интеграции цифровых технологий при сохранении конституционных гарантий участников судопроизводства.

Ключевые слова: цифровизация, электронное уголовное дело, электронные доказательства, дистанционное правосудие, искусственный интеллект, уголовный процесс, досудебное производство, судебное производство, электронный документооборот.

ABSTRACT

The article examines the state and prospects of digitalization of criminal proceedings in the Russian Federation. The analysis covers the regulatory framework, existing practice of electronic documents, remote technologies, and artificial intelligence in pre-trial and trial proceedings. Systemic gaps in legal regulation of electronic criminal cases and electronic evidence are identified. Based on comparative legal analysis of foreign experience, the author proposes amendments to legislation and development of a unified digital infrastructure for criminal procedure. The article substantiates the necessity of phased integration of digital technologies while maintaining constitutional guarantees of the proceedings participants.

Keywords: digitalization, electronic criminal case, electronic evidence, remote justice, artificial intelligence, criminal procedure, pre-trial proceedings, trial proceedings, electronic document exchange.

Развитие информационных технологий и процессы цифровой трансформации общества предъявляют возрастающие требования к модернизации уголовного судопроизводства Российской Федерации. Если на протяжении двух столетий уголовный процесс оставался преимущественно формой документооборота на бумажных носителях, то в XXI веке появилась объективная необходимость перейти к электронному производству по уголовным делам, обеспечивающему повышение эффективности, прозрачности и доступности правосудия [1, с. 514; 2, с. 42].

Однако текущее состояние нормативной регламентации не соответствует технологическим возможностям. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит лишь отдельные,

фрагментарные нормы об использовании электронных документов, преимущественно на судебной стадии (статья 474.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ), но не формирует целостной системы электронного уголовного производства, охватывающей весь цикл досудебного и судебного разбирательства.

Целью настоящей статьи является анализ современного состояния цифровизации уголовного процесса в России, выявление нормативных пробелов и практических препятствий, а также разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства и внедрению единой цифровой инфраструктуры уголовного судопроизводства с учётом международного опыта и конституционных гарантий прав участников процесса.

В настоящее время использование электронных документов в уголовном судопроизводстве регулируется несколькими источниками. Статья 474.1 УПК РФ допускает использование при рассмотрении уголовного дела в суде копий процессуальных документов в электронном виде, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКВЭП). Это относится, в частности, к копиям обвинительного заключения, постановления о применении принудительной меры медицинского характера, а также приложений к ним.

Однако данная норма содержит существенные ограничения: применяется лишь на стадии судебного разбирательства, а не на досудебных этапах (возбуждение уголовного дела, дознание, следствие, прокурорская проверка); не устанавливает полного перечня процессуальных документов, допускаемых в электронной форме; не определяет требования к формату, хранению, трассируемости и верификации электронных документов; оставляет открытым вопрос о допустимости цифровых доказательств, собранных или представленных в электронной форме [2, с. 124–132; 3, с. 78–87].

Практика применения статьи 474.1 УПК РФ выявила ещё одну проблему: при попытке суда удовлетворить ходатайства о направлении копий

обвинительного заключения и приложений в электронном виде столкнулась с технической неготовностью информационных систем органов предварительного расследования и прокуратуры [4, с. 403–413].

На стадиях возбуждения уголовного дела, дознания и предварительного следствия электронный документооборот фактически не регулируется на уровне УПК РФ. Формально ст. 474.1 УПК РФ предусматривает возможность его введения, однако требует принятия специальной нормативной базы об электронном документообороте для органов внутренних дел, ФСБ, СК России и Федеральной таможенной службы [5, с. 26–33].

В результате на этих стадиях все процессуальные документы (рапорты, протоколы следственных действий, постановления) остаются на бумажных носителях; отсутствует возможность для адвоката получить доступ к материалам дела в электронном виде; невозможна асинхронная коммуникация участников процесса через защищённый цифровой канал; создаются технические трудности при передаче дела в суд [6, с. 35–39]. Некоторые прокуратуры и следственные органы внедряют элементы электронного документооборота в своих ведомственных системах (например, система управления уголовными делами в СК России), но эти системы не интегрированы с судебной информационной системой ГАС «Правосудие» и недоступны защите.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит легального определения «электронного доказательства». В теории и судебной практике под электронными доказательствами понимают информацию в цифровой форме (файлы, базы данных, логи, метаданные, скриншоты, видеозаписи, цифровые фотографии, сообщения в мессенджерах и социальных сетях), полученную и зафиксированную законным способом и служащую в установленном порядке для доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 124–132; 7, с. 67–78].

При этом закон не устанавливает специальных критериев допустимости электронных доказательств. Действуют общие требования ст. 75 и 86 УПК РФ,

но они применяются без учёта особенностей цифровой природы доказательства: не учитывается требование сохранения целостности и неизменяемости цифровых данных; не регламентируется верификация цифровой подписи отправителя; не установлены сроки хранения цифровых следов в источнике (например, на серверах интернет-провайдеров); отсутствуют стандарты судебной цифровой экспертизы [2, с. 124–132; 10, с. 102–119].

Применение видеоконференцсвязи (далее – ВКС) в уголовном судопроизводстве закреплено нормами ст. 278.1 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 2 декабря 2021 г. № 372-ФЗ). Однако практика показывает множество проблем в её реализации.

Отсутствие системности означает, что закон не устанавливает исчерпывающего перечня процессуальных действий, допускаемых с применением ВКС, и суды имеют право самостоятельно решать, допустимо ли участие подсудимого или свидетеля посредством видеоконференцсвязи, что приводит к произвольности. При проведении видеоконференцсвязи нет единого стандарта визуальной идентификации участников, верификации их личности, исключения участия третьих лиц [3, с. 135–149]. Закон не требует обязательной видеозаписи всего процесса видеоконференции, что затрудняет последующую проверку соблюдения процессуальных гарантий [8, с. 268–275].

При участии подсудимого в судебном разбирательстве через ВКС из изолятора он не может полноценно взаимодействовать с адвокатом, что создаёт препятствия для защиты. Опрос граждан, проведённый в 2023–2024 годах, показал, что 62% опрошенных готовы участвовать в судебных процедурах удалённо, но лишь при условии обеспечения конфиденциальности, безопасности персональных данных и гарантий справедливого разбирательства [3, с. 135–149].

В последнее время появились предложения о расширении применения веб-конференции (вебинаров) в уголовном судопроизводстве. В отличие от ВКС, веб-конференция имеет ряд преимуществ: более доступна технически

(требуется лишь подключения к интернету); позволяет участвовать в судебных действиях с персональных компьютеров; обеспечивает запись встречи (логирование) для последующей проверки. Однако введение веб-конференции требует дополнительного нормативного регулирования, в том числе установления требований к платформе, шифрованию трафика, аутентификации пользователей и хранению логов [3, с. 135–149].

Применение технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве рассматривается в нескольких направлениях. Раскрытие и расследование киберпреступлений осуществляется с помощью систем ИИ, способных анализировать большие объёмы данных (Big Data), распознавать паттерны преступного поведения в интернете, выявлять сетевые аномалии. В 2024 году в России расследовано более 24 тысяч преступлений, совершённых с применением цифровых технологий (на 10% больше, чем в 2023 году), и две трети из них были связаны с использованием интернет-ресурсов [9, с. 679].

Поддержка принятия судебных решений предполагает использование систем машинного обучения, которые анализируют судебную практику и могут предоставлять судье информацию о сложившихся правовых позициях, аналогичных делах, стандартных сроках рассмотрения, однако это вспомогательный инструмент, а не замена судебской независимости [11, с. 17–21; 12, с. 55–66]. Аналитика доказательств предусматривает использование ИИ-систем, способных провести криминалистический анализ цифровых следов, выявить скрытые данные на устройствах, восстановить стёртую информацию, провести лингвистический анализ текстов в социальных сетях [6, с. 35–39].

Распознавание лиц и биометрическая идентификация предполагают применение технологий компьютерного зрения для идентификации лиц на видеозаписях с камер видеонаблюдения, однако это вызывает озабоченность относительно защиты персональных данных [13, с. 34–47].

Внедрение ИИ в уголовное судопроизводство сопряжено с серьёзными правовыми и этическими вызовами. Отсутствие нормативной базы означает,

что в УПК РФ отсутствуют нормы об использовании ИИ, требованиях к алгоритмам, верификации результатов ИИ-анализа и ответственности разработчиков [14, с. 79–92]. Непрозрачность алгоритмов состоит в том, что большинство коммерческих ИИ-систем работают как «чёрный ящик» (black box), что затрудняет судебскую оценку обоснованности их выводов и оспаривание в суде. Это противоречит конституционному праву на справедливое судебное разбирательство.

Риск дискриминации заключается в том, что если алгоритм обучен на выборке исторических данных, отражающих исторические предубеждения, он может воспроизводить дискриминацию по полу, национальности, социальному статусу [15, с. 321]. Ограничение права на защиту состоит в том, что при использовании ИИ-информации обвинением защита должна иметь возможность ознакомиться с алгоритмом, параметрами анализа и провести контрэкспертизу, что в настоящее время часто невозможно.

Ряд стран уже осуществили переход к электронному судопроизводству или находятся на продвинутом этапе цифровизации. Германия – одна из первых внедрила электронный обмен документами между судами, прокуратурой и адвокатурой, при этом все уголовные дела рассматриваются в электронном виде, сохранена возможность участия сторон в судебном заседании в очной форме, и особое внимание уделено защите персональных данных и конфиденциальности.

Франция внедрила единую государственную платформу UNIVERSALIS, которая интегрирует судебную информационную систему, электронный документооборот между судом, прокуратурой и адвокатурой, а также видео-конференц-связь. Нидерланды реализовали проект электронного уголовного файла, включающий интеграцию ИТ-систем полиции, прокуратуры, судов и пенитенциарной системы, при этом данные хранятся в защищённом облачном хранилище с многоуровневым контролем доступа .

Китайская Народная Республика внедрила технологии искусственного интеллекта и блокчейна в судебной системе, уделяя особое внимание

регулированию использования ИИ через специальные нормативные акты. Общий вывод из анализа зарубежного опыта состоит в том, что эффективная цифровизация уголовного процесса требует одновременного решения технических, правовых и организационных задач, в том числе: принятия специализированного законодательства об электронном производстве; создания унифицированной цифровой платформы, обеспечивающей интеграцию информационных систем; установления чётких стандартов защиты персональных данных и конфиденциальности; введения процессуальных гарантий для участников процесса.

Анализ действующего законодательства выявил следующие системные проблемы. Отсутствие единого понятийного аппарата означает, что УПК РФ не содержит определений ключевых терминов: «электронное уголовное дело», «электронное доказательство», «электронный документооборот», «цифровые данные», что создаёт неопределённость в правоприменении. Фрагментарность нормативного регулирования состоит в том, что отдельные нормы об электронных документах (ст. 474.1) и дистанционных технологиях (ст. 278.1) не образуют целостной системы, и отсутствуют нормы об электронном производстве на досудебных стадиях [1, с. 514–530].

Отсутствие единой цифровой инфраструктуры означает, что органы расследования (МВД, ФСБ, СК России) используют разнородные ведомственные информационные системы, которые не интегрированы с судебной информационной системой ГАС «Правосудие» и системами адвокатуры, что затрудняет передачу дела в суд и участие защиты. Недостаточные гарантии доступа адвоката к делу состоят в том, что на досудебном этапе адвокат не имеет доступа к электронному делу (поскольку оно не ведётся в электронной форме), что ограничивает его право на ознакомление с материалами дела.

Отсутствие процессуальных гарантий при применении ИИ выражается в том, что если следователь использует результаты ИИ-анализа в целях получения доказательств, нет требований к прозрачности алгоритма,

верификации результатов, обеспечению права защиты на критику. Кроме нормативных пробелов, существуют практические трудности. Техническая неготовность органов расследования состоит в том, что многие следственные отделы и органы дознания не имеют адекватной ИТ-инфраструктуры для ведения электронного документооборота, криптографической защиты и резервного копирования [4, с. 156–174].

Кадровые проблемы заключаются в том, что следователи, дознаватели и судьи часто недостаточно подготовлены к использованию цифровых технологий, в том числе ИИ и криминалистических методов анализа электронных доказательств. Организационные барьеры означают, что отсутствуют межведомственные соглашения об интеграции информационных систем и единые регламенты электронного документооборота.

На основе анализа и с учётом зарубежного опыта предлагаются следующие изменения в УПК РФ. Необходимо включить легальное определение электронного уголовного дела как совокупности связанных между собой электронных документов (протоколов следственных действий, постановлений, ходатайств, возражений), ведущихся в едином цифровом хранилище и доступных всем участникам судопроизводства с учётом их процессуального статуса.

Следует установить принцип цифровой экспортируемости, согласно которому материалы досудебного производства должны храниться в таком цифровом формате, который позволяет беспрепятственно передать дело в суд без переформатирования и переоформления. Требуется ввести норму об электронных доказательствах с установлением критериев допустимости, требований к сохранению целостности, верификации источника и временных меток (метаданных).

Целесообразно закрепить право адвоката на доступ к электронному делу на досудебной стадии с установлением защиты от несанкционированного доступа третьих лиц. Необходимо регламентировать применение ИИ и автоматизированных систем поддержки решений с требованиями к

прозрачности алгоритмов, обязательной человеческой проверке результатов и правом защиты на контрэкспертизу [1, с. 514–530]. Нужно расширить применение видео-конференц-связи и веб-конференции с установлением исчерпывающего перечня процессуальных действий и требований к технической реализации, идентификации участников и видеозаписи.

На уровне ведомств рекомендуется создать единую государственную цифровую платформу уголовного судопроизводства, интегрирующую информационные системы органов внутренних дел, СК России, ФСБ, прокуратуры, судов и адвокатуры с централизованным администрированием, единой системой доступа и логирования всех операций. Необходимо разработать стандарты к форматам электронных документов, требования к криптографической защите, резервному копированию и долгосрочному хранению электронных данных.

Следует установить нормы судебной цифровой экспертизы – методику анализа электронных доказательств, верификации источников, восстановления стёртых данных, лингвистического анализа текстов и включить их в инструктивные материалы экспертных учреждений. Требуется повысить квалификацию кадров через введение специальных курсов по цифровым технологиям, криминалистике, основам ИИ для следователей, дознавателей, прокуроров и судей.

Необходимо обеспечить безопасность и конфиденциальность путём установления требований к шифрованию трафика, многофакторной аутентификации, защите от утечек персональных данных и биометрической информации. При внедрении цифровых технологий необходимо сохранить базовые конституционные гарантии уголовного судопроизводства.

Право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека, ст. 50 Конституции РФ) означает, что автоматизация, использование ИИ и дистанционные форматы не должны ограничивать право подсудимого на очное судебное заседание, устное взаимодействие с адвокатом и возможность опровергнуть доказательства

обвинения. Право на конфиденциальность (ст. 8 Европейской конвенции, ст. 23 и 24 Конституции РФ) требует строгих мер по защите персональных данных, биометрической информации и содержания коммуникаций при использовании цифровых каналов.

Право на справедливый суд включает право адвоката на ознакомление с материалами дела и возможность провести контрэкспертизу, включая проверку методологии ИИ-анализа. Таким образом, цифровизация должна быть управляемой, постепенной и центрирована на укреплении правовых гарантий, а не на подмену человеческого решения алгоритмом или замену очного участия дистанционным форматом против воли участников.

Цифровизация уголовного процесса в России находится на начальной стадии. Текущее нормативное регулирование содержит лишь отдельные фрагменты, относящиеся к электронным документам и дистанционным технологиям, но не формирует целостной системы электронного судопроизводства. Проведённый анализ выявил следующие ключевые проблемы: отсутствие единого понятийного аппарата и систематизированного регулирования электронного уголовного дела; ограничение электронного документооборота судебной стадией при остаточном состоянии досудебного производства; недостаточные нормативные гарантии при использовании электронных доказательств, дистанционных технологий и искусственного интеллекта; отсутствие единой цифровой инфраструктуры, интегрирующей информационные системы всех участников судопроизводства; необеспеченный доступ защиты к электронному делу на досудебном этапе [1, с. 514–530; 2, с. 124–132; 4, с. 156–174].

Вместе с тем опыт зарубежных юрисдикций (Германия, Франция, Нидерланды) демонстрирует возможность эффективной цифровизации при условии одновременного решения технических, нормативных и организационных задач с приоритизацией правовых гарантий участников судопроизводства. Основные рекомендации заключаются в следующем. Необходимо принять специальный нормативный акт (закон или подзаконный

акт) об электронном уголовном производстве с определением ключевых понятий, принципов и процедур.

Следует создать единую государственную цифровую платформу уголовного судопроизводства, обеспечивающую интеграцию органов внутренних дел, СК России, ФСБ, прокуратуры, судов и адвокатуры. Требуется разработать стандарты к электронным доказательствам, методики судебной цифровой экспертизы и нормы об использовании ИИ в судопроизводстве. Целесообразно расширить доступ адвоката к электронному делу на всех стадиях судопроизводства.

Необходимо предусмотреть поэтапное внедрение цифровых технологий с приоритизацией правовых гарантий и конфиденциальности участников. Цифровизация уголовного процесса – это не просто технологическая модернизация, но качественное переосмысление оснований и механизмов уголовного судопроизводства в цифровую эпоху с сохранением его природы как инструмента справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никурадзе Н. О., Мищенко Е. В., Марина Е. А. Научный и практический взгляд на цифровизацию уголовного судопроизводства: российский и международный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – Т. 16. – № 2. – С. 514–530. – DOI: 10.21638/spbu14.2025.214
2. Платонов В. В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 8 (177). – С. 124–132. – DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.124-132
3. Миронова Е. Ю. К вопросу о перспективах и рисках применения веб-конференции в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 135–149. – DOI: 10.55001/2587-9820.2024.12.61.013

4. Войтович Х. И. К вопросу о цифровизации российского уголовного судопроизводства // Вестник науки. – 2023. – Т. 3. – №. 6 (63). – С. 403-413.
5. Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2025. – №. 5 (129). – С. 26-33.
6. Глимейда В. В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2025. – №. 3. – С. 35-39.
7. Савин Н. В. Использование систем искусственного интеллекта в качестве средства получения электронных доказательств // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 67–78.
8. Фарафонова О. А. Использование видео-конференц-связи в уголовно-процессуальном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 268–275.
9. Отвечая вызовам нового времени: итоги работы Следственного комитета в 2024 году // Пресса СК России. – 31 декабря 2024 г. – Режим доступа: <https://pressa.sledcom.ru/> (дата обращения: 10 ноября 2025 г.)
10. Шипилов К. В. Доказательства в электронной форме в уголовном процессе зарубежных стран // Актуальные исследования. – 2024. – №. 30 (212).
11. Бертовский, Л. В. Суд и искусственный интеллект / Л. В. Бертовский // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности : Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 01 апреля 2021 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 17-21. – EDN RIRBJA.
12. Иванова К. И. Использование искусственного интеллекта в судебной системе: этические и правовые вызовы (pro et contra) // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 55–66.
13. Кривенков А. Д., Казанкова Т. Н. Интеграция искусственного интеллекта в систему правосудия: возможности, вызовы и перспективы // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 79–92.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 октября 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10 ноября 2025 г.)

15. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. – 321 с.

REFERENCES

1. Nikuradze, N. O., Mishchenko, E. V., & Marina, E. A. (2025). Academic and Practical Perspectives on the Digitalization of Criminal Proceedings: Russian and International Aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 16(2), 514–530. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.214>
2. Platonov, V. V. (2025). Ensuring the Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings. *Current Issues of Russian Law*, 20(8/177), 124–132. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.177.8.124-132>
3. Mironova, E. Yu. (2024). On the Prospects and Risks of Using Video Conferencing in Criminal Proceedings. In *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow* (Vol. 29, No. 1, pp. 135–149). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2024.12.61.013>
4. Voytovich, Kh. I. (2023). On the Digitalization of Russian Criminal Proceedings. *Vestnik Nauki*, 3(6/63), 403–413.
5. Russkevich, E. A. (2025). Digitalization of Criminal Legislation: Complex Consequences of Simple Solutions. *Kutafin University Law Review*, (5/129), 26–33.
6. Glimeyda, V. V. (2025). Procedural Aspects of Using Artificial Intelligence in Examining Online Information. *Legal Bulletin of Kuban State University*, (3), 35–39.
7. Savin, N. V. (2025). Application of Artificial Intelligence Systems as a Tool for Obtaining Electronic Evidence. *Eurasian Law Journal*, (5/204), 67–78.
8. Farafonova, O. A. (2024). Use of Video Conferencing in Criminal Procedure. *Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4/101), 268–275.
9. Responding to the Challenges of a New Era: Results of the Investigative Committee’s Work in 2024. (2024, December 31). Press Service of the Investigative

Committee of Russia. Retrieved November 10, 2025, from <https://pressa.sledcom.ru/>

10. Shipilov, K. V. (2024). Electronically Formed Evidence in the Criminal Procedures of Foreign Countries. *Current Research*, (30/212).

11. Bertovskiy, L. V. (2021). Courts and Artificial Intelligence. In *Current Issues in Forensic Examinations and Evaluation of Forensic Expert Activities* (pp. 17–21). Materials of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 1, 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. EDN RIRBJA.

12. Ivanova, K. I. (2025). Use of Artificial Intelligence in the Judicial System: Ethical and Legal Challenges (Pro et Contra). *Eurasian Law Journal*, (5/204), 55–66.

13. Krivenkov, A. D., & Kazankova, T. N. (2025). Integration of Artificial Intelligence into the Justice System: Opportunities, Challenges, and Prospects. *Eurasian Law Journal*, (5/204), 79–92.

14. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of October 18, 2001. ConsultantPlus. Retrieved November 10, 2025, from <http://www.consultant.ru/>

15. Filippova, I. A. (2025). *Legal Regulation of Artificial Intelligence* (3rd ed., revised and expanded). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 321 p.